

Михаил Иосифович ВЕЛЛЕР
ФУГА С ТЕННИСИСТОМ

[Сборник «Легенды Невского проспекта», Лань, 1993]

Старый Хаим Бейдер когда-то был молодым Хаимом Бейдером. Что с того. Все были молодыми. И в давние довоенные времена жил он в украинском городке Каменец-Подольске. Тоже ничего удивительного. Там жило довольно много народа до войны, в том числе и евреев. Я там тоже жил. Но недолго. Я там только родился.

В отличие от меня, вообще бездельника, Хаим Бейдер там работал. Он редактировал газету «Каменец-Подольская правда». Тогда было много областных и районных правд... но черт с ними, мы не об этом.

И в газете у него работал Лёва Трепер (через «е», через «е», а не «и», и ударение на втором слоге). Он приехал в Союз из Французской Северной Африки, точнее – из Алжира. Он был из семьи евреев-коминтерновцев. Они были за мировой коммунизм и по зову сердца приехали всей семьёй жить в Союз. Строить мировой коммунизм в одной отдельно взятой за задницу стране. У них были горячие, чистые, глупые сердца. Их приняли в Москве и дали приказ кому на Запад, кому в другую сторону. Лео направили в Каменец-Подольск в районную партийную газету. Он писал стихи на французском, а ещё знал немецкий. Куда его сунуть? Интернациональным кадром укрепили русско-еврейско-украинскую редакцию. На всякий случай. Языки пригодятся. Дело шло к войне.

Бейдер покровительствовал Лео, учил газетной работе и приглашал на домашние обеды. Потом Лео отозвали в Москву, и он исчез.

Позднее выяснилось, что Лео пропустили через разведшколу и отправили во Францию. По легенде он был фабрикантом резиновых изделий. С секретных счетов ему спустили тысячу долларов на обустройство. И он проявил гениальные коммерческие способности. Он заключал договора и налаживал связи от Бразилии, поставлявшей каучук-сырец, до Японии и Кореи, покупавших автомобильные покрышки. Он вошёл в мировой профессиональный истеблишмент. В сорок четвёртом году, когда союзники освободили Францию,

крупный промышленник Леопольд Трепер поставлял Третьему Рейху чуть не три четверти автомобильных колёс. При этом в каждой партнёрской фирме у него был свой агент, гнавший информацию.

В сорок пятом Трепер продал дело, слил все деньги на указанные счета и вернулся в Москву. Из Москвы партия отправила его на Колыму. Естественно, беззубый, он вылез с Колымы в пятьдесят седьмом году. И был поселён в Туле под чужой фамилией. Через десять лет он сумел выдраться во Францию. С жизненным опытом пришла возможность сравнений, он и свалил.

В семьдесят третьем в Париже вышли «Записки разведчика» легендарного Леопольда Трепера. Их перевели на все языки, кроме русского. Так Бейдер узнал о судьбе друга молодости. Сам он в это время жил в Москве и работал заместителем главного редактора советско-еврейского журнала на идиш «Советише Геймланд». Геймланд означало родина. Журнал символизировал расцвет еврейской культуры в СССР. Был дивным для разведки и контрразведки кустом международных связей. В Германии книга Трепера вышла на идиш, вот Бейдер и прочитал.

Но о Трепере мы упомянули между прочим, в связи с Бейдером. Везучесть Бейдера была аналогична Треперовской, но масштабом помельче. Миллионером он не был, зато и не сидел. Не был капиталистом в Париже, зато сейчас спокойно живёт в Нью-Йорке. Сын его живёт в Иерусалиме, внук в Мюнхене, а я вообще в Таллинне, но я к этим историям вовсе никакого отношения не имею, просто уж заодно, к слову пришлось.

Бейдер был поэт. Он писал стихи. На идиш. За писание на идиш его и взяли в своё время в журнал. Разбавить беспартийным лириком партийную еврейскую когорту идеологического журнала. Черт с ним, с журналом, полное было дерьмо, мы о стихах. Говорят, стихи были хороши.

Так вот, в первый раз молодой Бейдер подготовил первый свой сборник стихов ещё в Каменец-Подольске. Книжка должна была выйти летом сорок первого года. Но вместо выхода стихов Бейдера произошло другое известное событие, и книга канула.

Бейдер умудрился уцелеть на войне. Но что касается стихов на идише, то было, естественно, не до них. И в следующий раз он собрался с духом издать сборник только в сорок девятом году. Книга была уже набрана, но тут как раз началась кампания по борьбе с космополитизмом. Набор, естественно, рассыпали. Автор остался жив, и это можно рассматривать как большую творческую удачу.

Но происшедшее так на него подействовало, что он надолго вообще оставил поэзию. И в третий раз подготовил многострадальный сборник только в шестьдесят седьмом году. И он выходил из типографии в июне.

Как нетрудно догадаться, в июне вместо этого Израиль вмазал по Египту, и еврейские стихи в Союзе как-то резко перестали требоваться. Сигнальный тираж пошёл под нож. Немолодой Бейдер задумался о судьбе еврейской поэзии и вообще об еврейской судьбе.

В результате сборник вышел с четвертой попытки, через сорок лет после первой. Но кураж был уже не тот.

В этом обескураженном состоянии старый поэт Бейдер пересёкся с молодым режиссёром Шерлингом. Мы характеризуем Шерлинга по профессиональной принадлежности как режиссёра, чтобы не характеризовать его по моральной принадлежности как засранца. Но о моральной принадлежности нового знакомца Бейдер ничего не знал. Он, как следует из биографии, вообще был удачлив.

Шерлинг был одним из первых советских евреев, кто из национальности сделал специальность, причём официально. Он создал еврейский камерный театр. Согласитесь, сочетание слов «еврейский» и «камерный» настраивает на юмористический лад. По камерам, господа, вы не в Биробиджане. Будущее подтвердило, что еврейский создатель камерного направления в советском цирке, в смысле театре, как в воду глядел.

Шерлинг решил сделать мюзикл. С мюзиклом удобно мечтать въехать на Бродвей и там остаться. Там много евреев. Некоторые в прошлом камерные.

И он обратился к известному еврейскому поэту Бейдеру с предложением написать либретто. Мюзикл должен был называться «Белая уздечка для чёрной лошади». Возможно, наоборот. Не суть важно. В мюзикле проводилась та справедливая национальная мысль, что бедность подобает еврею, как чёрной лошади подобает белая уздечка. Мысль хорошая. Бейдеру, как бедному человеку, она была близка.

Бейдер написал либретто, и Шерлинг с сокамерниками стал разъезжать по городам и весям и средствами музыкально-танцевального искусства пропагандировать преимущества личного обогащения. От властей у него была индульгенция: «Особенности национального искусства». Некоторые считали, что он провокатор. Тех, кто по эстетической близорукости принимал идею спектакля за руководство к действию, со временем сажали. Так что генеральный замысел был верен. И еврейское искусство есть, и проворовавшихся евреев сажают, и всё в одном флаконе.

Шерлинг на этом искусстве заработал. В отличие от Бейдера, которому он ничего не заплатил. Он вообще предпочитал никому не платить. В конце концов, он придумал это все, чтоб получать самому, а не платить другим. На всех еврейских лошадях уздечек не напасёшься.

Вообще-то мы и о Бейдере упомянули тоже между прочим, в связи с Шерлингом, которого он посадил на орбиту. С высоты этой орбиты он Бейдера и ободрал, а вместо платы пытался укусить при разборке. Так как же не рассказать о человеке, который придумал либретто, которое и привело Шерлинга в Таллинн, где и произошла собственно история. К укусам невзнузданного и разнузданного режиссёра мы ещё вернёмся.

В Таллинне «Уздечка» собрала шеститысячный республиканский зал. Собственно еврейское население Эстонии после войны и до массовой эмиграции достигало двух тысяч. Остальные были эстонцы. Они приветствовали всё национальное, что не было русским. Шерлинг был расценён как угнетённый и храбрый борец за права нацменьшинств. Овации. Плюс процент с кассового сбора и дележ сбора от неучтённых билетов. Шерлинг уже ездил в белой «Волге» и пил французский коньяк.

В этой «Волге» он катал дам и поил их этим коньяком. Он был вполне молод и более чем темпераментен. И даже кусался. Хотя это не главное, и совсем не за это они любили его.

Случился гастрольный роман у него и в Таллинне.

Собственно, только в связи с этим романом мы и упомянули Шерлинга. К самой истории он имеет косвенное отношение. И даже притянутое за уши. Но как притянутое!..

Теперь следовало бы рассказать о Николае Озерове, Славе Метревели и бедной, но славной истории советского тенниса – задолго до того, как в эту элитарную игру ударился играть престарелый президент страны, и присные с опричными верноподданно схватились за ракетки и сердца, а телевидение открыло, что важнейшим из всех видов спорта для нас является теннис. Но это уже уведёт нас чересчур далеко от главной темы. Все-таки это не роман, а только рассказ.

Но не упомянуть о Тоомасе Лейусе все-таки невозможно. Тоомас бывал чемпионом страны и почти призёром европейских первенств. Он был гордостью советского тенниса. И уж тем более гордостью эстонского спорта. Вот маленькая же Эстония, а как ловко эстонец бьёт по мячику через сетку! Заметьте, лучше любого русского, это тоже не последнее дело.

А платили спортсменам мало. Больше советских инженеров, но гораздо меньше американских безработных. А за граница растляет своим мишурным блеском. И бедные спортсмены, которые не знали про уздечку для бедной лошади, тоже подрабатывали как могли. Контрабандишкой промышляли, валюткой баловались, гонорары за зарубежные соревнования оборачивали как могли, чтоб урвать свой кусочек от девяностосемипроцентного государственного налога, и кое-как устраивались.

Чемпион Союза по теннису Тоомас Лейус не был вовсе нищим пролетарием струнной ракетки. Кое-что у него было. По меркам простых сограждан он был просто буржуем, которому, значит, за его заслуги перед государством дозволено буржуйствовать. Квартира там большая в центре, вещи всякие хорошие, шубы и драгоценности у жены.

Вот из-за жены весь сыр-бор и произошёл. У людей семейных вообще все обломы чаще всего происходят из-за жены.

Тем обиднее, что с женой Лейус не жил. Он вообще не хотел жениться. Ни на ней в частности, ни на какой другой. Ему было и так хорошо. В смысле ему было хорошо иначе. Он с детства ходил в секцию, играл в теннис с другими мальчиками, с подростками и со взрослыми дядями – а сам был такой светленький, стройненький, голубоглазый, щёчки румяные: чем же он был виноват?.. У взрослых спортсменов характер спортивный, мужской, волевой, свою волю, значит, партнёру навязывать привыкли; навязали. В первый раз и водка никому не нравится, а там охота идёт, распробуют и поймут удовольствие. Опять же, мальчик от тебя не забеременеет, телеги в партком и спортком никто не скатит, карьеру никто не ломает. А власти к этим шалостям спортсменов и артистов всегда относились снисходительно. Была бы на высоте спортивная честь государства, ради неё можно и этим самым, ну, пожертвовать.

Лейус и женился из государственных спортивных соображений. Перед первыми зарубежными соревнованиями. Чтоб за границу спокойно выпускали. Дома должна оставаться семья в заложниках. Такой порядок, ничего страшного, все привыкли и воспринимали как должное.

Так что жена жила с мальчиками постарше, а муж с мальчиками помоложе, а выделенной ЦК квартиры хватало на всех, и всё нормально.

Но со временем Лейусу это надоело. Жена вошла во вкус своего официального положения и слишком дорого обходилась. Она разбила новую машину, она опять купила новую шубу, она шляется по кабакам и требует денег на расходы, и вообще стала слишком хорошо разбираться в драгоценностях. А он месяцами пропадает на сборах, света белого не видит из-за спортивного режима, постоянно рискует свободой, что ни говори, на таможнях, – и это на неё, получается, пашет? Обидно, согласитесь.

И он решил к черту развестись. Он всегда может взять себе жену гораздо дешевле. Нет проблем. Полстраны желающих на эту должность, да на таких-то условиях. Ещё и стирать будет.

Однако характер у жены по мере роста благополучия сделался круче крутого яйца, и все попытки разговоров на эту тему она решительно пресекала. В качестве встречного иска она требовала от него исполнения супружеских обязанностей. Подлая была женщина.

Мириться с действительностью часто помогает алкоголь. И в один из моментов полного примирения с действительностью Тоомас решил примириться заодно и лично с женой. И объявил ей об этом намерении.

Но она как раз оказалась тоже примирённой с действительностью, причём тем же самым способом. И будучи крепко примирённой, неправильно поняла его примирённость. Хрен с ним, с жадным педом, примирение сказала она. Она согласна на развод. Но только при условии, что он компенсирует ей лучшие годы жизни, когда она бесплодно страдала, пока он играл в свою поганую игру. Она имеет право на долю совместно нажитого имущества.

Разговор принял неожиданный оборот. Спортсмен был уязвлён такой подрезкой мяча. Сначала он хотел въехать ей в глаз, потом обрадовался, потом углубился в расчёты, потом задумался. Потом вдохновился благородством и ответил, что все её вещи останутся ей, а квартиру они разменяют.

А мебель? – Поделят.

А деньги на сберкнижках? – Какие деньги? Она что, роется в его вещах? Грязная свинья! Да её дешевле вообще убить за сто рублей!

Оценка её жизни в сто рублей привела жену в бешенство, и она уменьшила стоимость совместно нажитого имущества как раз на упомянутые сто рублей, расколов о голову мужа хрустальный кубок, вручённый ему за одну из побед. Осознав, что деньги как бы

потрачены, а результата никакого, кроме головной боли, муж в свою очередь озверел. А колотуха с правой с замахом из-за головы у теннисистов поставлена на зависть купцу Калашникову. Через пять минут жена выбралась из-под стола кротким сговорчивым созданием. До неё дошло, как Лейус зарабатывал свои медали.

- По суду я получу половину. – сказала она. – А так согласна на треть.
- Наливай, – отозвался благодетель. – Ты получишь треть, а сейчас выметайся.
- И треть камушков, – уточнила она.
- Каких камушков?..
- Брюликов.
- Каких брюликов?
- Которые в коробочке.
- Какой коробочке?

Жена бросилась в спальню и нырнула под кровать, отдирая от матраса лейкопластырь. Лейус за ноги выволок ее из-под кровати, и бриллианты разлетелись по ковру.

- Идиотку нашёл?! – вопила она, брыкаясь и зажимая горсти. – Грошами отделаться?! Что думаешь, я ничего не знаю!
- Этого ты не наживала! Ты вообще ничего не наживала, кроме триппера!
- Я посмотрю, что ты в тюрьме наживёшь! Не дашь?
- Не дам!
- Дашь!
- Не дам!
- Все. Кончилось моё терпение. Завтра сядешь. За махинации с валютой и драгоценностями. А ты что думал.
- Су-у-у-у-ка!!!
- Половина или ничего!

С ненавистью и ловко она брыкнула его туда, где теннисисты не носят бандаж, не хоккей, и схватка перешла в партер. Хрустело, хрипело, рычало и мяукало, и мартовский кот отозвался в унисон с соседней крыши.

Когда Лейус осознал, что кроме кота он никого не слышит, он встал. Он встал, посмотрел и сел. Голова жены была закинута набок, и по выражению лица, известному не только судмедэкспертам, было ясно, что все имущественные претензии сняты. Скверная была картина и жутковатая. И главное – неразрешимая.

Теннис – не шахматы. Бить было больше некого. Соображение отказало спортсмену. Судорожно пожимая плечами, он закрыл квартиру на два замка и побежал прятаться по друзьям, не посвящая их в подробности. Трое суток он пил и трясся. На четвертые сутки его взяли прямо у друзей же.

Дело было ясней колорадского жука, навредившего колхозной картошке. Признание и раскаяние последовали сразу. На лице и руках заживали царапины от женских ногтей. На женской шее отпечатались десять пальцев соответствующей длины. И бриллианты валялись по спальне.

Припахивало вышкой. Статьи отлично складывались. Валюта, драгоценности, и убийство на корыстной почве с последующей попыткой скрыться от закона. Заряжай.

Вот сейчас настало самое время рассказать историю Симона Левина. Но это уже может быть расценено как явное нарушение принципа национального равенства и справедливости. Почему в истории о том, как эстонский мужчина сгоряча задушил свою эстонскую

же жену, должно рассказываться о сплошных евреях, которые вообще безусловно повинны во многом, но к данному преступлению как раз не имеют непосредственного отношения? Вы чувствуете, как они всюду лезут? Поэтому мы ограничимся теми сведениями, что Симон Левин входил в так называемую «золотую десятку» советских адвокатов, которые славились вытягиванием самых безнадежных дел; ну, и гонорары брали соответствующие. Он жил в Таллинне и даже в те времена любил отдыхать в Швейцарии, где имел родственников. Друзья и спортивные покровители Лейуса позаботились о хорошем адвокате.

Квартира стояла опечатанной после обыска. Левин выхлопотал официальное разрешение на осмотр в целях возможного обнаружения вещдоков защиты. И непосредственно из прикроватной тумбочки жены достал ее дневник. Следователя дневник, стало быть, не заинтересовал. Потому его зарплата и отличалась от Левинских гонораров.

Дневнику жена поверяла, как принято, события своей жизни. События состояли из покупок, ресторанных вечеров и любви. Покупки были недешёвые, а любовь не платонической. Отнюдь. С подробностями и оценками. Как именно, сколько именно, и насколько хорошо.

Левин ознакомил подзащитного с дневником и провёл инструктаж. Непосредственно вслед за чем озаботился дактилоскопической экспертизой, чтоб пальчики Лейуса на дневнике фигурировали.

Настал день суда.

Лейус встает и заявляет отказ от своих прежних показаний. Интерес зала возрастает.

Левин просит приобщить к делу вещественное доказательство защиты. И предъявляет дневник. Суд заинтригован. Интерес зала накаляется.

Прокурор выдвигает обвинение. И начинается спектакль высокой юридической пробы.

Левин берётся за Лейуса:

- Почему вы отказались от своих прежних показаний?
- Открылись новые обстоятельства.
- Какие?
- Был найден дневник моей жены.
- Вы были знакомы с ним раньше?
- Я случайно прочитал его в тот роковой день.
- Почему вы ничего не сообщили о нем следствию?
- Я не мог порочить честь моей жены.

Что? У зала вкупе с судом начинают открываться рты.

А Левин с искусством стеклодува и железной силой кузнеца гнёт ту линию, что чистый и порывистый Лейус безмерно любил свою жену и вообще жил ради неё. Зал смеётся. Все всё знают, Таллинн город маленький.

– Да разве может нелюбящий муж так заботиться о жене и тратить на неё все свои деньги?! – И Левин цитирует расходную часть дневника.

Смех стихает. Всем любопытно. Возражать трудно: м-да, содержал дай Бог каждой.

Он мирился с её кабацкими загулами, он ей доверял. Цитируется ресторанный раздел. Впечатляет.

Он мечтал о детях, а она говорила, что нездорова. А вот справки от гинекологов об абортах. Вы понимаете?! Ага, поди опровергни.

Да, но убил-то почему?..

И тут идёт раздел любовный. Мёртвая тишина.

– Безмерная боль вспыхнула в оскорблённой душе моего подзащитного!..

А последним номером в дневнике идёт уехавший из Эстонии накануне убийства Шерлинг! Его белая «Волга», его французский коньяк, его укусы, и повествуется о нем в восторженных тонах и даже не совсем приличных выражениях.

Линия ведётся чище, чем алмазом! Ревность, оскорблённое достоинство, аффект, тяжкое душевное помрачение. Были бы присяжные – вообще бы оправдали!

Прокурор теряет дар речи. К такому обороту обвинение не готово. Логически – безупречно. Приволакивать в суд любовничков Лейуса? Откажусь, не прижмёшь, защита приплатит и проинструктирует; а лампу ему никто не держал: нет у обвинения свидетелей и не будет. Святой Лейус, святой, и все всё знают – но доказать абсолютно невозможно.

– Что же он дневник не уничтожил, если так пёкса об её чести?!

Да вот акт психиатрической экспертизы, лабильная психика, он в тот момент вообще не соображал, его на улице друг из-под машины выхватил и к себе привёл, пытаюсь понять, в чем дело, и привести в чувство. Друга попрошу в зал для перекрёстного допроса!

На лицах начинает появляться восторг. Работа аса.

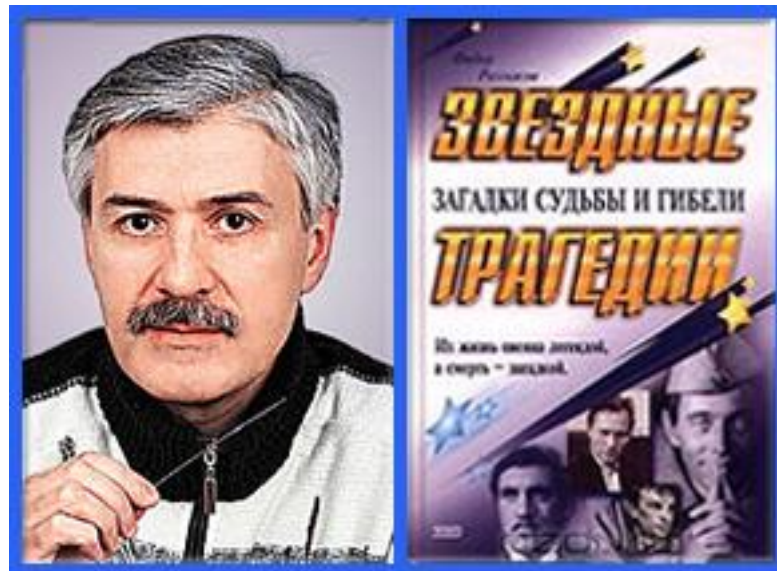
– А бриллианты!!! – вопит прокурор. – Бриллианты откуда, и что они значат?!

И победоносный Левин достаёт пачку бумажек. Не далее как две недели назад гнусный Шерлинг при попытке задержания укусил милиционера. Милиционеры не любят, когда их кусают без любви, и раскрутили его на полную катушку. Там и контрабанда, и драгоценности, и валюта, и у нас есть все основания полагать, что это он, чуя стягивающуюся петлю, решил использовать любовницу, жену Лейуса, для временного хранения своих нетрудовых доходов, и нет никаких оснований полагать здесь вину Лейуса – после того, как он отказался от прежних показаний, и дело теперь абсолютно ясно.

Овация!

Восемь лет общего режима. По нижнему пределу.

А то, что на книжной полке у Шерлинга обнаружили среди прочего «Записки разведчика» Трепера с дарственной надписью, сделанной во время парижских гастролей театра, – к делу уже не относится.

Фёдор Ибатович РАЗАКОВ
ОТЕЛЛО ПО-СОВЕТСКИ. ТООМАС ЛЕЙУС
[Сборник «Звёздные истории», Эскимо-Пресс, 2000]

Эта трагическая история чем-то напоминает другую – гибель конькобежки Инги Артамоновой. Как и там, здесь в роли преступника выступил популярный спортсмен, и мотивом, толкнувшим его на преступление, тоже была ревность. Однако во всем остальном эта история аналогов не имеет.

Во времена бывшего Советского Союза главной теннисной республикой в нем была маленькая Эстония. Это сейчас теннис стал элитным видом спорта и простому мальчишке попасть на корт практически невозможно. А в советские времена теннисные корты посещали бесплатно все кому не лень, и юные звезды зажигались на теннисном небосклоне чуть ли не ежегодно. Одной из них оказался Тоомас Лейус из Таллина.

Он родился в 1941 году в интеллигентной семье. Его родители мечтали, чтобы их сын стал знаменитым музыкантом, поэтому с ранних лет стали обучать его музыке. У него был отменный слух, и среди своих сверстников по музыкальной школе он считался одним из самых талантливых. Однако параллельно с музыкой Тоомас вдруг увлёкся теннисом. Новое увлечение стало настолько серьёзным, что вскоре музыка отошла на второй план. Наверное, родители поняли это слишком поздно, иначе они нашли бы способы отвести своего сына от ракетки и вновь засадить его за музыкальный инструмент.

Между тем восхождение Лейуса к славе было неожиданным и стремительным. Получив звание мастера спорта в 16 лет, он установил свой первый рекорд – стал самым молодым обладателем этого звания в Советском Союзе. После этого прошёл всего лишь год, и вот уже новый, на этот раз мировой, рекорд появился в копилке этого спортсмена. Выиграв Уимблдонский турнир, Лейус стал самым молодым

победителем этого престижного мирового турнира. В 18 лет он был удостоен звания мастера спорта международного класса, в 22 стал чемпионом СССР и седьмым по счёту теннисистом в мировой классификации.

На рубеже 60-х Лейус был одним из самых знаменитых спортсменов в Советском Союзе. У него было все, что необходимо для нормальной жизни: слава, деньги, семья.

Женился он по большой любви на преподавательнице физкультуры красавице Анне Лийс. Его ухаживания за ней продолжались почти три года и напоминали собой осаду мощной крепости. Анне Лийс была серьёзной девушкой, и ей почему-то казалось, что молодой и знаменитый спортсмен больше увлечён её красотой, чем внутренним миром. Поэтому она колебалась. Но когда он внезапно сбежал со сборов в Москве, прилетел в Таллин и нашёл её в одном из маленьких кафе, чтобы сделать предложение, сердце девушки не выдержало. Они сыграли свадьбу, которая стала настоящим событием для Таллина. Вскоре на свет появилась девочка, которую счастливые родители нарекли красивым именем Дорис. Казалось, что из этого дома счастье не уйдёт никогда, таким крепким казался этот брак. И вот однажды...

Это случилось в середине 60-х годов. В один из тихих вечеров, когда семья Лейуса коротала вечер дома, Анне Лийс вдруг объявила, что собирается пойти на школьный вечер встречи. Тоомас не стал возражать, только в душе позавидовал жене, которая весело проведёт время. Едва за супругой закрылась дверь, Тоомас включил телевизор, надеясь с его помощью отвлечься. Однако его глаза бесцельно бродили по экрану, а мозг отказывался воспринимать происходящее. Казалось, что какая-то неведомая сила тянула его из дома, и сопротивляться этой силе Тоомас не мог, а может, и не хотел. Он подошёл к телефону и позвонил своей хорошей знакомой, актрисе Аде Лундвер (в 1970 году на экраны страны выйдет лучший фильм с её участием «Посол Советского Союза»). В те годы Лундвер выступала как певица в варьете, и Тоомас иногда приходил на ее концерты. Вот и в тот вечер он напросился на ее выступление. Знал бы он заранее, чем закончится этот поход, наверное, сто раз подумал бы, прежде чем покинуть пределы дома.

Во время всего представления Лейус сидел недалеко от сцены и буквально не сводил глаз с высокой длинноногой танцовщицы, выступавшей в варьете. Не зная, кто она, он решил обязательно познакомиться с ней после концерта. Когда же он наконец пришел за кулисы и подошёл к ней, она первая улыбнулась ему и представилась: «Эне». Так начался их роман.

Эне работала прима-балериной в знаменитом на весь Союз таллинском варьете гостиницы «Виру». Чтобы попасть на представления этого варьете, тогдашняя советская элита специально приезжала в Таллин, отдавая за это немалые деньги. Так что Эне прекрасно знала вкус успеха, легких денег и была достаточно избалована вниманием богатых мужчин. До Лейуса у неё уже было несколько головокружительных романов, которые закончились так же стремительно, как и начались. Поэтому, когда знаменитый теннисист внезапно увлёкся ею, друзья предупредили его: «Тоомас, с этой женщиной у тебя жизни не будет!» Но он пропустил это предупреждение мимо ушей. Его страсть к ней была настолько сильной, что её не смогли унять ни жена, ни маленькая дочь. Вскоре он бросил их, чтобы жениться на танцовщице. Так она стала Эне Лейус.

В отличие от первой жены Тоомаса, которая удивляла многих своей скромностью, новая суженая знаменитого теннисиста была на редкость эффектной дамой. Это касалось как её внешности, так и поведения. Она обожала дорогие подарки, и, чтобы угодить ей, Лейусу приходилось дарить ей то дорогую иномарку, то норковую шубу, то бриллиантовое кольцо. Вскоре их отношения приобрели подобие фарса: муж, как собачка, бегал за женой, а та помыкала им как хотела и сколько хотела. В конце концов дело дошло до того, что Эне перестала стесняться свидетелей, при которых заявляла супругу: «Если бы ты не был Лейусом, я бы тебя давно бросила!» Но он прощал ей даже эти слова.

Друзья Тоомаса иногда пытались раскрыть ему глаза на истинное лицо его супруги, но тот наотрез отказывался им верить. Даже рассказы о том, что она изменяет ему с другими, пока он мотается по турнирам, не производили на него впечатления. Ему казалось, что

людей толкает на эти разговоры обыкновенная зависть. Но всё же какая-то червоточина в нем тогда засела. Иначе он, до этого абсолютный трезвенник, не стал бы всё чаще прикладываться к рюмке. И это не преминуло сказаться на его спортивной форме. Если в 1971 году он был второй ракеткой Союза, то уже через год шестой, затем девятой. А в 1974 году он вообще вылетел не только из спортивного мира, но и из нормальной жизни.

Все началось с приезда в Таллин известного московского театрального режиссёра Юрия Шерлинга (фамилия изменена). Причём не будет преувеличением сказать, что впереди театральной славы этого режиссёра шла слава о нем как о первом любовнике. Судите сами. Будучи 18-летним артистом балета Музыкального театра имени Станиславского, Шерлинг влюбил в себя 32-летнюю солистку этого же театра, народную артистку СССР, супругу режиссёра. После того как этот роман стал достоянием гласности, режиссёр выгнал Шерлинга из театра и отправил в армию. Вернувшись из армии, молодой артист женился, однако остепениться так и не сумел. Вскоре он закрутил очередной роман: на этот раз с дочерью великого скрипача Ниной. И этому роману суждена была скандальная слава. Узнав про него, замминистра культуры СССР Кухарский потребовал у молодого артиста дать ему слово, что он женится на дочке скрипача. Но Шерлинг такого слова ему не дал. Правда, и с Ниной у него ничего путного не получилось. Отец быстренько выдал её замуж, предпочтя безродному юнцу более выгодного жениха. А затем судьба занесла Шерлинга в Таллин...

Причиной приезда Шерлинга в столицу Эстонии была постановка на сцене русского драмтеатра нового мюзикла. Мюзикл он поставил, однако попутно закрутил очередной роман: на этот раз с танцовщицей Эне Лейус. Как это произошло, рассказывает сам режиссёр:

«Я объявил конкурс – мне нужна была очень красивая женщина. Ну и произошла беда! Одной из претенденток я начал показывать какие-то движения, после чего она потеряла сознание. Почему – выяснилось гораздо позже. Она была единственная и лучшая, и я выбрал ее. Это была шикарная во всех отношениях женщина – красивая, умная, элегантная. По тому времени просто Мэрилин Монро. В один прекрасный вечер она сказала, что хотела бы обсудить какие-то рабочие вопросы. И я в силу своей авантюристичности поехал на это домашнее свидание. Никаких романтических взаимоотношений даже не намечалось, она была шведских кровей и потому достаточно холодна и сдержанна. Но тем не менее роман начался, как взорвавшаяся пороховая бочка. Не было ни прелюдий, ни фуги, ни интродукций – просто из двух углов комнаты друг другу навстречу бросились двое сумасшедших...»

Так как знаменитого теннисиста в те дни в городе не было, Эне без всякого страха бросилась в водоворот нового увлечения. Московский гость пленил её своей галантностью, тем, что был знаменит, удачлив и богат. (Говорили, что по Таллину он разъезжал на красной «Волге» с личным шофёром, абсолютно игнорируя дорожные знаки.) Но в то же время Эне понимала, что скрыть этот роман от мужа ей всё равно не удастся. Поэтому, когда он вернулся, она во всем ему призналась. Вот как рассказывает об этом Ю. Шерлинг:

«Через энное количество часов нашего романа выяснилось, что она замужем. Я, в свою очередь, вынужден был сказать, что я тоже не один. Прошли дни, муж вернулся из поездки, и первое, что она сделала, посадила рядом меня и мужа и объявила, что во время его отъезда она полюбила другого человека. И никоим образом продолжать свою совместную жизнь с ним не может. Я тогда был очень смущён, так как в подобной ситуации спокойного разбирательства между мужем, женой и любовником оказался в первый раз...»

Надо отдать должное её мужу – он тогда практически не проронил ни слова. Сказал: если моя жена считает, что это так, тогда это так. Но ведь и рядом со мной был человек, который меня любил. В итоге мы сели за стол вчетвером, чтобы всё обсудить. Думаю, никакой драматургии не дано описать этот момент, как каждый по-настоящему защищал свою любовь. Но мы ушли вдвоём, взявшись за руки. Я чувствовал себя невероятно счастливым. Я, может быть, единственный раз в жизни встретил такую женщину. При ней расцветали цветы, при ней убогие помещения становились красивыми. Она как раз и придумала мне имя «экзотическая обезьяна». Вскоре мы с ней уехали в Москву...»

Между тем уход жены Лейус воспринял очень тяжело. У него и до этого уже были проблемы со здоровьем, теперь же они стали возникать еще чаще. Его здоровье стремительно ухудшалось, нервные срывы следовали один за другим. Тут ещё цыганка напроорочила ему страшную судьбу: мол, до 33 лет он будет богат, а затем случится несчастье. На вопрос «какое?» цыганка ему тогда так и не ответила.

Весной 1974 года Лейус попал в какую-то тёмную историю, и его задержала милиция. Кто-то из друзей дал знать об этом Эне в Москву. Она срочно прилетела в Таллин и всё время, пока велось следствие, находилась рядом с мужем, с которого взяли подписку о невыезде и отпустили домой. До трагедии оставались считанные дни.

По одной из версий, события в ту роковую ночь развивались следующим образом. Вечером 12 мая они были с Эне в доме одни. Ночью легли спать, но тут зазвонил телефон. Как оказалось, это из Москвы своей любовнице звонил Шерлинг. Эне переговорила с ним, после чего вернулась к мужу. На того же этот звонок произвёл неожиданное действие. Он стал требовать, чтобы Эне бросила режиссёра и вернулась к нему. Но женщина ответила отказом. И дальше произошло неожиданное. Тоомас повалил жену на кровать, схватил подушку и закрыл ей лицо. Эне пыталась вырваться, сбросить с себя мужа, но сил у неё было слишком мало, чтобы справиться со спортсменом, руки которого были словно вытесаны из камня. Через минуту всё было кончено.

А вот какую версию этих же событий излагает Ю. Шерлинг:

«Как выяснилось на следствии, утром его должны были забрать, и он потребовал от неё исполнения супружеских обязанностей. В последний раз. Она сказала: «Я люблю эту «обезьяну», и поделаться с этим ничего нельзя». И он её задушил...

Я приехал на ее похороны (они состоялись 17 мая 1974 года) и бросил ей в могилу подвенечное платье. Ведь мы должны были стать мужем и женой, но господь не дал...»

Состоявшийся вскоре суд приговорил Т. Лейуса к восьми годам тюремного заключения. В день объявления приговора ему как раз исполнилось 33 года. Пророчество цыганки сбылось.

В заключении Лейус вёл себя на удивление мужественно и ни дня не сидел сложа руки. Он продолжал заниматься спортом, устраивал различные соревнования среди заключённых. Более того, он даже сумел воспитать одного спортсмена, который, выйдя на свободу, стал чемпионом Союза по велоспорту. Потом его взяли в сборную СССР.

В конце концов, учитывая примерное поведение заключённого Лейуса, администрация колонии ходатайствовала о том, чтобы досрочно выпустить его на свободу. Верховный суд пошел навстречу этой просьбе, и в 1977 году Т. Лейус вышел на свободу, отсидев три года вместо восьми.

Между тем возвращение в родной Таллин оказалось для бывшей знаменитости серьёзным испытанием. Почти все его бывшие коллеги по спорту отвернулись от него, друзья не подавали руки. Тоомас понимал их и совсем не осуждал. В те дни он даже нашёл время, чтобы съездить в Москву и встретиться там с Шерлингом. По словам режиссёра, Лейус пришёл в театр на репетицию и долго стоял в проходе, наблюдая за ним. Затем Шерлинг подошёл к нему сам, и Лейус задал ему только один вопрос: «Вы действительно ее любили?»

Свою новую любовь Лейус нашёл через несколько лет после выхода на свободу. Ею оказалась девушка по имени Сигне, которая была на 16 лет его моложе. Несмотря на то, что их отношения были искренними и они действительно любили друг друга, родители девушки были категорически против связи дочери с бывшим уголовником, тем более убийцей. Но Сигне не послушала своих родителей. Они поженились вопреки воле её родителей и уехали из Эстонии сначала в Узбекистан, затем в Грузию. Вскоре один за другим у них родились двое детей: мальчик и девочка. На сегодняшний день семья Т. Лейуса проживает в Германии, имея там свой бизнес.

P.S. Актриса Ада Лундвер, которая познакомила Тоомаса с Эне, сегодня живёт в Таллине и работает администратором в одном модном ресторане.

Режиссёр Шерлинг после истории с Эне имел ещё несколько громких романов. Сначала он был женат на киноактрисе Тамаре Акуловой («Баллада о доблестном рыцаре Айвенго»), и в этом браке у них родилась дочка Аня. Однако, по словам режиссёра, их «отношения с Акуловой складывались тяжело, и их тяжесть началась с момента её самостоятельного становления как актрисы». Затем эти отношения окончательно испортились после одного происшествия, когда он якобы укусил за нос сотрудника ГАИ. Год велось следствие по этому делу, затем состоялся суд, на котором Акулова, по словам Шерлинга, дала показания против него. Мол, она не видела точно, кусал ли он милиционера за нос, но предполагает, что такое могло произойти. Режиссёра тогда признали виновным.

В дальнейшем Шерлинг был женат на внучке норвежского короля, затем женился на молоденькой пианистке Олесе, которая родила ему дочку Александру.

Что касается прошлой семьи Лейуса, то на сегодняшний день жива только его жена Анне Лийс. Дочка Дорис погибла в автомобильной катастрофе в 1988 году. По дьявольскому стечению обстоятельств смерть настигла ее 13 мая – в тот самый день, когда из жизни ушла Эне Лейус.